

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ
И УГОЛКИ

М. ЧЕХОВА и С. ЧЕХОВ

ДОМ-МУЗЕЙ
А. П. ЧЕХОВА
В ЯЛТЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
главного редактора изданий Гослитмузея
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

М. ЧЕХОВА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Мое детство прошло в Таганроге. В нашей семье было пять братьев и я — единственная девочка. Несмотря на существовавший тогда строгий уклад патриархально-провинциальной семейной жизни, свое детство я вспоминаю с большой теплотой. Игры, шалости, забавы, шутки, пение — были спутниками нашего детства.

Главную роль в создании шуточных импровизаций, невинных проказ обычно играл мой брат Антоша. Он всегда был их неизменным инициатором.

Я была свидетельницей проявления острой наблюдательности у брата Антоши еще с детских лет. Он мастерски изображал и имитировал любое событие, виденное им в городе, в гимназии, на вечерах, заставляя всех безудержно смеяться, когда пародировал смешные черточки кого-нибудь из знакомых. Подметив характерные черты у братьев, Антоша давал им названия и прозвища, полные юмора, а порой даже и обидные. Не избегла этой участи и я. Антоша дал мне три прозвища: «Моська», «Чечевица» и «Сияние». Последнее название казалось мне особенно обидным, и я даже часто плакала. В детстве у меня были короткие упрямые волосы, и чтобы они не мешали, я сдерживала их полукруглым гребешком, но волосы все же не слушались и, топорщась, стояли на голове вокруг гребешка в виде «сияния». Отсюда и прозвище, данное мне Антошей.

Я училась уже во втором классе гимназии, когда разорился наш отец Павел Егорович. Артист в душе, в широком смысле этого слова, он никогда не проявлял большого увлечения своим торговым делом и не был настоящим купцом, что и послужило причиной его разорения.

Прекратив свою торговлю, он уехал в Москву, где тогда уже проживали и учились два моих старших брата: Александр и Николай. Летом 1876 г. мы с матерью и младшим братом Мишей, а вскоре и брат Ваня переселились к отцу в Москву. Антоша оставался в Таганроге до окончания курса гимназии.

* * *

В Москве мы испытывали большую нужду, лишения, недоедания и всяческие домашние неприятности. Прошло время беспечного золотого детства. Другая, уже более серьезная жизнь вставала предо мной. Мне шел тогда 14-й год. Убитая горем мать часто хворала. Тяжелая жизнь превратила меня из маленькой избалованной девочки в серьезную хозяйку. Я полностью заменяла мать в хозяйстве, а в свободное время вязаньем зарабатывала двугривенные.

В 1877 г. из Таганрога к нам на пасхальные каникулы приехал Антоша. Он заметил происшедшую во мне перемену, заинтересовался моей жизнью и, видимо, изменил обо мне свое мнение, оценив то серьезное положение, которое я заняла в жизни нашей семьи. Это обстоятельство и послужило поводом к нашей глубокой дружбе, сохранявшейся между нами до последних дней жизни брата.

Увидев в Москве нашу тяжелую жизнь, Антоша начал присылать из Таганрога часть своих заработанных репетиторским трудом денег, сильно урезая свои потребности. Так еще со своих гимназических лет Антоша завоевал уважение всей нашей семьи своим серьезным и чутким отношением к жизни. По окончании таганрогской гимназии он переехал к нам в Москву и стал основным кормильцем семьи. Только благодаря его помощи я и младший брат Миша могли получить высшее образование.

* * *

После переезда Антоши в Москву моя дружба с ним еще более укрепилась. Он доверял мне многие свои мысли, я платила ему тем же: от него у меня не было никаких тайн. Под влиянием Антоши я стала осмысленнее относиться к жизни.

Наблюдая за мной, брат не мог не отметить моего отношения к родителям, которым я всячески старалась помочь материально, которых стремилась утешить и подбодрить, особенно отца, сильно подавленного неудачами жизни. Антон Павлович и сам всегда хорошо относился к отцу, ценил его внимание к детям и заботу о них. Когда мы были маленькими детьми, отец был с нами строг и взыскателен, как того требовали тогдашние семейные устои, но всегда справедлив и любил нас.

Меня порой очень огорчают неправильные выводы некоторых наших литературоведов, когда они пишут об отце Чехова как о жестоком человеке. Возможно, они введены в заблуждение некоторыми случайными резкими высказываниями братьев Александра и Антона.

С приездом Антона в Москву материальное положение нашей семьи стало быстро улучшаться. Будучи студентом медицинского факультета Московского университета, Антон Павлович одновременно зарабатывал литературным трудом. Я очень гордилась первыми успехами и первыми трех- и пятирублевыми гонорарами моего брата-писателя Антоши Чехонте.

Окончив курс средней школы, я мечтала продолжить свое образование. В это время в Москве открылись организованные профессором Герье частные «Высшие женские курсы», где читали лекции известные, передовые для того времени профессора, как Ключевский, Веселовский, Юрьев и др. Но, чтобы там учиться, нужны были средства... Антоша и тут помог мне, взяв на себя оплату обучения.

Это было осенью 1883 г. Антон Павлович уже перешел на последний курс университета, а в литературных кругах твердо обосновался как популярный автор юмористических и маленьких рассказов на бытовые и общественные темы. Жизнь наша снова заполнилась шумом, юмором, смехом. Я перезнакомилась с курсистками, и они часто бывали у меня. Все мы тогда стремились быть передовыми и прогрессивными. Мы много читали, спорили, готовили даже рефераты, которые потом зачитывались на наших вечеринках. Часто эти вечеринки происходили у нас на квартире и обычно заканчивались танцами, музыкой, играми, легким флиртом и всем тем, что сопутствует чудесной поре — молодости.

Самой большой притягательной силой в нашем доме для моих подруг был, конечно, брат Антон. Очень интересный и обаятельный, он в ту пору имел уже достаточную популярность как писатель, его остроумие, живой и богатый юмор, готовность ко всяким шуткам пленяли моих подруг.

Брат Иван к тому времени вел уже самостоятельную жизнь, учительствуя в подмосковном городе Воскресенске, куда летом мы ездили к нему, как на дачу. Еще раньше, живя с нами в Москве, Иван начал сам зарабатывать перепиской статей известного тогда писателя Боборыкина, одновременно учась и готовясь стать педагогом. Старшие братья Александр и Николай также давно жили самостоятельно и не принимали участия в делах и жизни нашей семьи.

Брат Николай все же часто бывал в нашем доме, вся семья любила его. Антон Павлович был очень дружен с ним, ценил в нем талант художника и большие музыкальные способности. Кроме того, их объединяли общие интересы: они долго работали в одних и тех же журналах: один — в качестве писателя, другой — иллюстратора.

Вскоре Антон Павлович окончил университет, и на нашей входной двери появилась дощечка: «Доктор А. П. Чехов».

К тому времени, как Антон Павлович стал врачом, он уже давно был признанным главой семьи и ее фактическим кормильцем. Только благодаря его исключительной работоспособности, трудолюбию и таланту наша семья вышла из бедности.

Работал Антон Павлович очень много, и все члены нашей семьи старались помочь ему, кто чем только мог. Мы с матерью обшивали его, готовили что-нибудь вкусненькое, брат Миша бегал по его денежным делам: получать в редакциях гонорар. А наша мать отвозила на Николаевский вокзал к поезду, уходившему в 12 часов ночи в Петербург, написанные братом рассказы, чтобы они на следующий день могли попасть в редакцию «Осколков» или «Петербургской газеты», где сотрудничал Антон Павлович.

Медицинская практика у брата была тогда небольшая и в материальном отношении мало отражалась на жизни семьи. Литературной деятельностью он зарабатывал значительно больше. Влечение к литературному труду, редкая наблюдательность, острый ум и бьющий фонтаном талант брата уготовили ему писательский путь.

По мере того, как Антон Павлович рос как писатель, я еще серьезнее присматривалась к нему. Меня поражала глубина и правильность его мыслей. Он все более и более привязывал меня к себе, и в конце концов я почувствовала, что у меня появилась новая цель в жизни: всячески помогать и облегчать брату жизнь, избавляя его от лишних хлопот. Это было еще тогда, когда он был полон сил и здоровья и на роковую его болезнь не было даже намека.

Окончив высшие женские курсы, я поступила преподавательницей истории и географии в одну из московских частных гимназий.

В те годы мы жили на Садово-Кудринской улице в доме врача Корнеева. Это был небольшой двухэтажный особнячок, шутливо прозванный Антоном Павловичем «комодом», так как по своему виду был похож на комод. С этим периодом у меня связано много хороших воспоминаний.

Брат стал уже популярным писателем. К этому времени относятся известные письма к Антону Павловичу Григоровича и Плещеева, признавших в нем огромный талант писателя-художника. А позже было получено сообщение о присуждении брату Академией Наук Пушкинской премии за его сборник рассказов «В сумерках».

Антон Павлович стал привлекать к себе внимание многих талантливейших деятелей литературы и искусства того времени. Мне в качестве молодой хозяйки приходилось принимать у нас в доме писателей Д. В. Григоровича, В. Г. Короленко, И. Л. Щеглова, артиста Малого театра А. П. Ленского, профессора филармонии П. А. Шестаковского и многих других. Беседы о литературе, драматургии, театре у нас затягивались далеко за полночь.

Помню знаменательное посещение брата Петром Ильичем Чайковским, перед сверкающим талантом которого Антон Павлович преклонялся. Они обменялись фотографическими карточками с автографами. Тогда же начались разговоры Чайковского с братом относительно либретто новой задуманной Петром Ильичем оперы «Бэла» (по Лермонтову). Композитор просил брата написать для него либретто оперы. К сожалению, это не было сделано, так как Антон Павлович вскоре уехал на Сахалин, а Петр Ильич в 1893 г. скончался.

Каждое лето наша семья жила где-нибудь на даче. С большой теплотой я вспоминаю период жизни в Бабкине. Эти чудесные поэтические места на реке Истре с изумительным среднерусским пейзажем оставили глубокий след в творчестве брата Антона. Отсюда он вынес свои первые впечатления от русской природы. С нами жил тогда и наш общий друг, создатель русского пейзажа в живописи художник И. И. Левитан, с которым Антон Павлович очень сблизился.

Я помню, как бывало по вечерам, сидя на крыльце нашей террасы в присутствии И. И. Левитана и хозяйки имения Бабкино — детской писательницы М. В. Киселевой, брат рассказывал содержание своих будущих произведений. И часто, спустя уже много времени, при чтении некоторых напечатанных рассказов брата, мне казалось, что я уже где-то читала их, и лишь потом отдавала себе отчет, что слышала их из уст брата в чудесные бабкинские вечера.

Яркие воспоминания оставили у меня дачные времена на Луке в имении Линтваревых (близ города Сумы), куда к нам в гости приезжали артист Свободин, Суворин и поэт Плещеев, широко известный еще по политическому делу о петрашевцах. Либеральные наши хозяева Линтваревы носились тогда с Плещеевым, по выражению Антона Павловича, как с «чудотворной иконой». Почти ежедневно в доме Линтваревых устраивались музыкально-литературные вечера, в заключение которых А. Н. Плещеев обычно читал с большим подъемом и успехом свое стихотворение «Вперед без страха и сомненья».

1889 год — второй год нашей дачной жизни на Луке — был омрачен смертью от туберкулеза брата Николая. Первая смерть в нашей семье произвела на всех тяжелое впечатление, особенно на Антона Павловича, очень любившего Николая.

Это была большая потеря и для меня. Я любила брата Николая за его артистическую натуру, за его замечательные музыкальные способности.

* * *

Когда в начале 1890 г. Антон Павлович стал собираться в поездку на остров Сахалин, мне пришлось взять на себя заботы по обеспечению его необходимыми справочно-литературными материалами. Я часами просиживала в библиотеке Румянцевского музея, разыскивая и переписывая нужные ему материалы.

Дружба наша с братом к этому времени была очень крепкой. Его письма ко мне с пути на остров Сахалин свидетельствуют о глубоко серьезном и искреннем отношении ко мне и о том положении, которое я заняла в его жизни.

После возвращения брата с Сахалина мы еще год прожили в Москве. Ранней весной 1892 г. брат упорно заговорил о желании жить где-нибудь поближе к природе, к народу. Он мечтал купить какой-нибудь хутор или небольшое имение и переехать туда на постоянное жительство. Выполнить желание брата для нас было святой обязанностью. Нами руководило стремление сделать жизнь Антона Павловича спокойной для работы и удобной. И вот под Москвой, недалеко от железной дороги, нам подвернулось Мелихово, отвечавшее этим требованиям: находилось оно сравнительно недалеко от Москвы и, в то же время было уединенным.

В марте 1892 г. мы туда переехали.

* * *

Новая, созидательная жизнь началась у нас. Здесь была усадьба с домом, садом и огородом, а также пашня и лес.

Отец, мать, брат Михаил и я старались, не покладая рук, улучшать это имение. У каждого из нас были свои обязанности. На мне лежала общая работа по дому и по хозяйству, включая и полевую. Фруктовый сад был приведен в идеальный порядок отцом. На долю Антона Павловича оставались посадки и уход за розами, которые он любил всю свою жизнь, и очистка коры на фруктовых деревьях. Я, как сейчас, вижу его перед собою. Он стоит у дерева и молча и как будто глубокомысленно производит свою работу, обдумывая в это время темы своих будущих произведений.

Первое время брат наслаждался своим одиночеством. Но вскоре вокруг узнали, что он врач, и двор наш по утрам стал наполняться больными крестьянами из окрестных деревень. В конце концов у нас установился регулярный медицинский прием в определенные часы. Я и тут помогала брату, находясь при нем в качестве ассистента-помощника, медсестры, делающей перевязки, заведующей аптекой и пр.

Спустя некоторое время Антон Павлович окунулся в кипучую общественную деятельность. На Серпуховский уезд, в котором числилось и Мелихово, надвигалась эпидемия холеры, и брату пришлось организовывать участковый противохолерный пункт. Он строил бараки, проводил профилактические мероприятия и «ловил холеру за хвост», как шутливо писал в одном из своих писем.

Выстроили мы с Антоном Павловичем в соседних деревнях — Новоселках и Талеже Мелиховского района школы для крестьянских детей. Я выполняла все хозяйственные поручения брата и следила за строительством.

Мне захотелось своим трудом построить школу и в Мелихове. Денег на постройку не было. Я решила собирать их всяческими путями. Начала с продажи яблок из нашего сада. Затем разыграла в лотерее пожертвованные мне для этой цели Левитаном два этюда. Антон Павлович, видя мое рвение, поддержал меня и внес для постройки 1000 рублей. Таким образом школа была выстроена. Существует она в Мелихове и поныне.

Мои отношения с Антоном Павловичем в Мелиховский период окончательно оформились в неразрывную дружбу. Он чувствовал, что всецело может положиться на меня во всем, что касается устройства его быта и различных житейских дел. Для меня же брат явился теперь ясно осознанной целью жизни. Я не представляла себя вне его интересов.

Мелиховский период в моей памяти встает как один из самых значительных, ярких и плодотворных этапов нашей жизни. Здесь братом были написаны лучшие произведения: «Палата № 6», «Мужики», «Чайка» и многие другие рассказы. В Мелихово к нам наезжали друзья и знакомые. В дни, когда у нас бывали мои приятельницы Лика Мизинова, Т. Л. Щепкина-Куперник, писатель И. Н. Потапенко, художник И. И. Левитан и другие, в нашей усадьбе царило оживление, смех, шутки, а вечера проходили в музыке, пении, в чудесных прогулках. Все это до такой степени было поэтично, так нравилось брату, что в эти дни у него не было времени много заниматься литературой и он лишь урывками, уединившись, писал понемножку в своем кабинете. Я тогда попрежнему продолжала служить в гимназии и заниматься живописью и все свое время делила между Мелиховым и Москвой.

Вся эта чудесная пора была омрачена заболеванием Антона Павловича. В 1897 г. у него окончательно установили туберкулез легких.

С этого времени я жила в постоянных тревогах за брата. Зимой 1897—98 года он с нами в Мелихове уже не жил и уехал по предписанию врачей в Ниццу, откуда часто писал мне.

На следующий год Антон Павлович поехал зимовать в Ялту. Неожиданная смерть осенью 1898 г. нашего любимого отца ускорила решение брата обосноваться в Ялте совсем. В письме ко мне из Ялты 14 октября 1898 г. он писал: «Грустная новость, совершенно неожиданная, опечалила и потрясла меня глубоко... Мне кажется, что после смерти отца в Мелихове будет уже не то житье, точно с дневником его прекратилось и течение мелиховской жизни...».

Антон Павлович решил расстаться с Мелиховым, а в Ялте построить собственную дачу: ему нужно было жить на юге.

Нелегко мне было расставаться с Мелиховым, куда было вложено столько созидательного, творческого труда, а еще тяжелее было устраиваться в Ялте, среди незнакомой природы, где все было ново, чуждо и непонятно. Купленный братом участок производил неуютное впечатление, но мне пришлось скрывать от брата свое разочарование, притворяясь, что и корявый виноградник (единственное растение на участке) поэтичен и что сладкая, декоративная природа Крыма очаровательна... Нужно было приступить к устройству новой жизни. Я взяла отпуск из гимназии и приехала помогать брату. Прежде всего мы занялись планировкой сада и дома. Закипела работа. Вместе с архитектором Л. Н. Шаповаловым принялись заканчивать строительство дома, план которого еще в первый мой приезд в Ялту мы совместно с ним разработали.

В середине лета 1899 г. был закончен флигель с кухней, и Антон Павлович поселился в нем. Целые дни он проводил на участке своего будущего сада, занимаясь его устройством. Как когда-то в Мелихове, вновь сажал свои любимые розы, цветы, кустарники, молодые деревца.

С Мелиховым мы окончательно расстались осенью 1899 г. Антон Павлович приехал в этот год из Ялты еще весной и некоторое время прожил в моей московской квартире. Настроение у него тогда было бодрое, веселое, и как-то даже забывалось о его болезни. Начало укрепляться его знакомство с Художественным театром, где уже прошла «Чайка». Артисты Художественного и Малого театров буквально не выходили из моей квартиры. Вспоминаю теперь, как я растерялась, когда однажды, открыв на звонок дверь, увидела перед собой Льва Николаевича Толстого, неожиданно пришедшего навестить брата и попавшего в этот шумный артистический ансамбль.

В августе Антон Павлович уехал в Ялту, а в начале сентября и я с матерью приехали на нашу новую ялтинскую дачу. С севером было все покончено.

Жизнь наша в Ялте начала постепенно налаживаться. Мы стали привыкать к окружающей обстановке и природе. Не забывали Антона Павловича в Ялте и его друзья. Весной 1900 г. в нашем доме недели две стоял сплошной радостный праздник. Тогда к Антону Павловичу приезжал Московский Художественный театр в полном своем составе во главе с его незабвенными директорами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Находились в это время в Ялте и ежедневно бывали у нас писатели А. М. Горький, А. И. Куприн, С. Я. Елпатьевский и др. Жила тогда в нашем доме давно обворожившая всех нас артистка Художественного театра Ольга Леонардовна Книппер, на другой год ставшая женой брата. Это время я вспоминаю как одно из самых жизнерадостных и веселых из всей нашей ялтинской жизни.

В ялтинский период Антон Павлович продолжал быть таким же непоседой, как и раньше. Москва его притягивала попрежнему. Нет-нет, да и опять поедет в столицу, особенно после того, как он женился на Ольге Леонардовне.

Но здоровье его в Ялте все же не улучшалось. Ездил он полечиться и кумысом в Уфимскую губернию и опять в Ниццу, но процесс неутомимо развивался.

Сколько изобретательности я проявляла, чтобы кормить брата ссобо питательными, вкусными блюдами! Отношения у нас с ним продолжали оставаться самыми теплыми, дружескими, и, кажется, ни одного хозяйственного, делового вопроса брат не решал без совета со мной.

Наступал последний, роковой 1904 год.

В январе в Москве состоялось чествование Антона Павловича в Художественном театре во время премьеры «Вишневого сада» по поводу 25-летия его литературной деятельности. Помню, как мне тяжело было смотреть на него, больного, через силу стоявшего на сцене и выслушивавшего приветствия.

Здоровье его продолжало катастрофически ухудшаться. В конце февраля он вернулся в Ялту, а 1 мая вновь выехал в Москву и больше уже в Ялту не возвращался. В июне вместе с Ольгой Леонардовной брат выехал на курорт в Шварцвальде Баденвейлер, откуда мне часто писал.

И еще за 3 дня до смерти он написал мне бодрое, оптимистическое письмо о планах своего возвращения в Ялту... А 3 июля 1904 г. были получены телеграммы о его кончине.

9 июля мы похоронили Антона Павловича в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

* * *

После похорон мы с матерью вернулись в Ялту. Горе наше было беспредельно. Я потеряла большого друга, а она — любимого сына. Приехали вместе с нами в Ялту и жена брата Ольга Леонардовна и братья.

Первым моим желанием было во что бы то ни стало сохранить в том виде, как оно есть, последнее жилище брата, в устройстве которого я принимала такое большое участие. Посвятив первую половину своей жизни живому брату, я хотела остальную жизнь посвятить сохранению памяти о нем. Но не знала, как распорядятся братья и вдова, являвшиеся главными наследниками. Нотариального завещания не было.

Неожиданно Ольга Леонардовна передала мне в конверте письмо брата на мое имя, написанное им еще в 1901 г. как завещательное, со своими последними распоряжениями мне. В этом письме он предусмотрел все. Я была назначена наследницей дома...

Я свято выполнила все распоряжения брата, указанные в письме, а его дом, комнаты оставила неприкосновенными.

Спустя некоторое время почитатели таланта брата и все обожавшие его как человека стали осаждать меня просьбами разрешить им осмотреть последнее жилище писателя. Вскоре я убедилась, что дом этот дорог не только мне, как моя личная память о любимом брате, но и всему русскому народу, почитающему в Чехове великого писателя.

Так родилась у меня идея создания меморального Дома-музея. Я была рада продолжать свою жизнь во имя памяти брата. Временами приходилось и очень трудно, так как содержание дома требовало много средств, энергии и хлопот.

Резко изменилось мое положение после установления Советской власти. Советское государство включило мой Дом-музей в число своих культурно-просветительных учреждений и взяло содержание его на государственный счет. С тех пор и по сие время я бессменно состою заведующей Домом-музеем А. П. Чехова.

Неизмеримо возросло количество посетителей Дома-музея. Изменился и контингент. Рабочие, служащие, учащиеся, педагоги, воины Советской Армии стали постоянными посетителями Дома-музея. Все это было для меня неожиданно новым и трогательным явлением, и я с большим увлечением водила моих экскурсантов по комнатам дома, подробно рассказывая им о брате. Поток экскурсантов стал доходить до 40 000

человек в год, не просто любопытствующих людей, а внимательных, чутких, живо интересующихся каждой подробностью из жизни и творчества брата. Сколько волнующих, теплых записей оставлено ими в книге отзывов посетителей Дома-музея!

И вот теперь, на склоне моих лет, мысленно окинув взглядом последние десятилетия моей жизни, я поняла, что мои труды в создании Дома-музея не пропали даром, что я сделала полезное дело для народа, сохранив это последнее жилище брата как мемориальный дом, как литературный памятник писателю. Я испытываю большую радость, что дружба моя с братом, мои заботы о нем продолжались и после его смерти, продолжают и по сей день...

Комментарий

Чехова Мария Павловна (1863–1957) – сестра А.П. Чехова, педагог, художница, первая заведующая Домом-музеем А.П. Чехова в Ялте и формальная заведующая Московским государственным музеем имени А.П. Чехова (1921–1922), училась на Высших женских курсах профессора В.И. Герье.

«Мои воспоминания» написаны М.П. Чеховой в мае 1948 года, опубликованы с сокращениями (авторизованная машинопись с правкой хранится в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля). Текст воспоминаний рисует идиллическую картину семейного быта Чеховых, в особенности взаимоотношения братьев с отцом, взаимоотношения брата Антона и сестры, чуть ли не с таганрогских лет ставшей верной его помощницей, что, конечно, было не так. При этом мемуары содержат некоторые важные подробности для биографии А.П. Чехова.

Окончив курс средней школы... – М.П. Чехова окончила Московское филаретовское епархиальное женское училище, где училась с 1876 по 1882 годы.

Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868–1904). 1 октября 1872 года на Волхонке в здании Первой мужской гимназии состоялось торжественное открытие Московских высших женских курсов (курсы профессора Владимира Герье). Герье бессменно возглавлял их в первый период деятельности – 1872–1888 годы, а после возобновления их работы – в 1900–1905 годах.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк, ординарный профессор Московского университета, заслуженный профессор Московского университета; ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (сверх штата) по истории и древностям русским (1900), председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник.

В период 1887–1889 годов был деканом историко-филологического факультета и проректором университета. Одновременно, в течение 17 лет он читал лекции по всеобщей истории в Александровском военном училище. Также он преподавал русскую историю в Московской духовной академии, на Московских женских курсах В. И. Герье и в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918) – литературовед, ординарный профессор Московского университета; почётный академик Санкт-Петербургской АН по разряду изящной словесности (1906). Преподавал на Высших женских курсах профессора В. И. Герье с 1876 по 1888 год.

Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888/1889) – литературный и театральный деятель XIX века, переводчик, редактор, публицист, критик. В 1872 году Юрьев читал публичные лекции по истории драмы в доме Кошелевых и лекции о немецкой литературе на Высших женских курсах профессора В. И. Герье.

Корнеев (Карнеев) Яков Алексеевич (1845–1911) – терапевт, невролог, коллежский советник; ординатор и ассистент профессора Г. А. Захарьина, сдавал Чеховым внаем флигель на Садовой-Кудринской с 1886 по 1890 год.

К этому времени относятся известные письма к Антону Павловича Григоровича и Плещеева – первое письмо к А. П. Чехову Д. В. Григорович написал 25 марта 1886 года, когда Чеховы жили ещё на Якиманке.

Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893) – поэт, переводчик, драматург, театральный критик, редактор стихотворного и беллетристического отделов журнала «Северный вестник». Плещеев отметил талант молодого Чехова после прочтения сборника его рассказов «В сумерках», в особенности высоко оценил он рассказ «Святою ночью».

Знакомство Плещеева и Чехова состоялось в Петербурге 10 или 11 декабря 1887 года.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) – старший современник Чехова, первый известный писатель, увидевший в рассказах Антоши Чехонте большой, настоящий талант. Чехов познакомился с Григоровичем в декабре 1885 года, когда впервые приехал в Петербург. Сохранились 6 писем Чехова (1886–1888) и 7 писем Григоровича (1886–1891).

...бабкинский период... – в имении А.С. и М. В. Киселевых в подмосковном Бабкине Чеховы снимали дачу в 1885 – 1887 годах.

дачные времена на Луке в имении Линтваревых (близ города Сумы). – В имении проживали мать, Александра Васильевна и её дети: Георгий, Павел, Елена, Зинаида и Наталья Линтварёвы.

И вот под Москвой, недалеко от железной дороги, нам подвернулось Мелихово – в 12 километрах от станции.

...брату пришлось организовать участковый противохолерный пункт, в который входило 25 деревень – В 1892 году Чеховым были организованы два пункта в соседних селах – Крюкове и Угрюмове, где он вёл приём по 4 дня в неделю. В участок доктора Чехова, согласно составленному им годовому отчету, входило 26 деревень, 7 фабрик и монастырь Давыдова пустынь.

... «ловил холеру за хвост», как шутливо писал в одном из своих писем. – Имеется в виду письмо к Н. А. Лейкину от 4 августа 1893 года: «Лето в общем было невеселое, благодаря паршиевой холере. Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по злачным местам».

Таким образом школа была выстроена. Существует она в Мелихове и поныне – Школа проработала до 1974 года, а затем стала частью экспозиции Мелиховского музея-заповедника.

...писал понемножку в своем кабинете. – Трудно в это поверить, если учесть, что за 7 мелиховских лет Чеховым были написаны 42 произведения, в том числе книга «Остров Сахалин».

Неожиданная смерть осенью 1898 года нашего любимого отца – П. Е. Чехов скончался 12 октября 1898 года.

Тогда я сблизилась с О. Л. Книппер, которая позже, летом приезжала погостить к нам в Мелихово – О. Л. Книппер была в Мелихове 15–17 мая 1899 года.

Весной 1900 года к Антону Павловичу приезжал Московский Художественный театр... – Художественный театр выехал в Крым 10 апреля 1900 года с четырьмя спектаклями для постановки в Севастополе и Ялте: «Чайка» и «Дядя Ваня» Чехова, «Одинокое» Г. Гауптмана и «Гедда Габлер» Г. Ибсена.

В январе в Москве состоялось чествование Антона Павловича.... – 17 (29) января 1904 года в последний день рождения А. П. Чехова.

Нотариального завещания не было – Нижеприведенное письмо А. П. Чехова юридической силы не имело, к тому же, Чеховы пропустили срок вступления в наследство. В итоге наследники после утверждения решения Московского окружного суда формально продали свои доли Ауткинской дачи М. П. Чеховой 17 мая 1905 года. (См. подробнее: Головачёва А. Г. «Охрана лично заведующей музеем» // «Приют русской литературы»: сб. статей и документов в честь 90-летия Дома-музея А.П. Чехова в Ялте. Симферополь, 2014. С. 10 – 22).

...письмо брата на мое имя, написанное им ещё в 1901 году как завещательное – У О. Л. Книппер-Чеховой хранилось письмо А. П. Чехова, адресованное М. П. Чеховой, от 3 августа 1901 года: «Милая Маша, завещаю тебе в твое пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений, а жене моей Ольге Леонардовне – дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей. Недвижимое имущество, если пожелаешь, можешь продать. Выдай брату Александру три тысячи, Ивану – пять тысяч и Михаилу – три тысячи, Алексею Долженко – одну тысячу и Елене Чеховой (Леле), если она не выйдет замуж, – одну тысячу рублей. После твоей смерти и смерти матери всё, что окажется, кроме дохода с пьес, поступает в распоряжение таганрогского городского управления на нужды народного образования, доход же с пьес – брату Ивану, а после его, Ивана, смерти – таганрогскому городскому управлению на те же нужды по народному образованию.

Я обещал крестьянам села Мелихова 100 рублей – на уплату за шоссе; обещал также Гавриилу Алексеевичу Харченко (Харьков, Москалевка, с<обственный> дом) платить за его старшую дочь в гимназию до тех пор, пока ее не освободят от платы за учение. Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно».